

*Если исповедуюм грехи наши,
то Он, будучи верен и праведен,
простит нам грехи наши... (1 Пн. 1:9)*

I.

Санте – это одна из тех тюрем, куда сбрасываются все самые мерзкие человеческие отходы Франции. Извращенцы, насильники, серийные убийцы – вы будете находить здесь этого добра столько, сколько сами пожелаете, и всё равно никогда не сможете провести окончательный учёт пороков человечества в этом каменном молчаливом кусочке южного Парижа.

Около двадцати лет тому назад мне по долгу службы доводилось ежедневно находиться рядом с такими людьми и узнавать про каждого из них то, что не знал ни один прокурор, ни один следователь и даже сокамерник. Каждый день через меня проходили все самые ужасные преступления, все самые отвратные их подробности, услышав о которых обычный человек не раздумывая насмерть вцепился бы в глотку своему собеседнику. А я был вынужден со смиренным спокойствием выслушивать рассказы или какого-то педофила, месяцами выслеживавшего школьниц начальных классов, а потом в заброшенном подвале до смерти измывавшегося над ними, или какого-то психа, кромсавшего на кусочки своих жертв, при этом оставляя себе на память прядь их волос, или кого-нибудь ещё из этого множества других подобных полулюдей, которых, оказавшись они на свободе, сразу при выходе из тюремного здания наверняка ждали или пуля, или нож. Но, к их счастью, они никогда бы отсюда не вышли. Государство, не способное озаботиться проблемами людей честных, довольно тщательно занималось вопросами особо опасных преступников, обеспечивая им не слишком длительное ожидание в промежутке между судом и пилотиной.

Так и проходили в то время мои дни – в компании смертников, которых я должен был выслушивать и, как заводной механизм, постоянно вторить слова первого послания Иоанна о всепрощении Господнем, в которые и сам-то не особо верил. Да, господа, я был тюремным священником, хотя, признаться честно, ощущал себя скорее адвокатом дьявола.

В один из тех далёких вечеров я находился в кабинете коменданта тюрьмы Клода Фуке. Это был невысокий плотный мужчина лет сорока пяти с игривыми, смеющимися, словно детскими глазами. Лет двадцать пять тому назад, в самом начале его комендантской карьеры, обманчивая безобидность не одному тюремщику стоила своего места, когда те, ошибочно делая вывод об этом человеке, как о туповатом бесхребетном сынке какого-то богатенького бюрократа, пытались всячески продемонстрировать ему своё пренебрежительно-ироничное отношение.

На самом же деле отец Фуке был простым фабричным работником. Хотя, стоит признаться, Клоду это не помешало получить неплохое образование, которое, дабавок к природному интеллекту, делало его исключительно интересным собеседником. Поэтому, несмотря на то, что Клод принадлежал к кальвинистской церкви, мне, в целом, доставляло удовольствие появляться у него в кабинете.

В этот раз Фуке хотя и встретил меня, как всегда, искристо улыбаясь и похлопывая по плечу, что-то в его взгляде выдавало некий утаённый огонёк. Когда я вошёл, он, живо соскочив с письменного стола, на котором любил сидеть почему-то больше, чем в кресле, поприветствовал меня и, ещё более сузив свои и до того маленькие лукавые глазки, заговорил:

– Слышал, падре? Среди свежего мяса будет тебе на пару деньков родная душа.

– Ты о чём? – недоумевая, спросил я.

– Да о том, что припрут сюда какого-то орлеанского священника, изнасиловавшего, а потом зверски убившего девчонку из одной тамошней школы. – Фуке, улыбаясь, пристально посмотрел на меня, словно выжидая моей реакции. Судя по всему, то, что выразило моё лицо, его удовлетворило, и он продолжил:

Говорят, что её к похоронам с трудом по частям собрали. А папаша... Тот, похоже, и вовсе свихнулся: на опознании стал кричать, что он антиквар, и требовать, чтобы ему срочно принесли его клей, поскольку девочку ещё можно спасти; что детали отрезаны довольно ровно и их будет легко сложить воедино, как мозаику... – Фуке снова бросил на меня резкий лукавый взгляд – в его глазах читалось явное желание, чтобы я что-то сказал.

– Как я понимаю, суд уже завершился? – сдержанно ответил я, пытаюсь не ввязываться с ним в его игры (несмотря на то, что Клод был хорошим малым, и, как я сказал, меня не особо тревожили его религиозные взгляды, но, тем не менее, в разговорах со мной ему нравилось упоминать какие-то моменты, словно бы указывающие разницу между «ними» и «нами» – и, естественно, не в «нашу» пользу. Клод был расстроен моим ответом, и потому, поняв, что очередная попытка не удалась, ответил уже с толикой скуки:

– Да, ещё позавчера. Этого попа приговорили к трём смертным казням. Эх, чудак же Пьер. Вечно со своими бестолковыми садистскими решениями. Прямо вижу, с какой извращённой радостью он зачитывал «...к трём смертным казням».

– А его что, судили в Париже?

– Ну так естественно! Это же дело... что-то вроде особо зверского. Особо зверскому попу – особо зверский Пьер, – Фуке бесшумно усмехнулся.

– А родители присутствовали?

– Ну, мать умерла года два назад от туберкулёза. А отец... Это был суший ад. Во время процесса он всё кричал сидящим в зале, что они сволочи – нарочно зря теряют время на суд, чтобы только не принести ему клей. В конце концов, когда оглашали приговор, он обвинил всех в пособничестве убийству и кинулся на Пьера. Пристав надел на него наручники, но это не особо помогло – он всё не унимался, пытаюсь зубами отдирать засохший клей от стула и приговаривая что вроде: «Ничего, моя маленькая, ничего... Они не хотят принести мне мой клей – что ж, мы возьмём их. Ничего-ничего, я его расплаваю и помогу тебе. И у меня снова будет доченька. И у нас снова всё будет хорошо, правда!». Говорят, зрелище было просто ужасающим. Женщины в зале, наблюдавшие всё это, рыдали в три ручья, а мужчины сидели, склонив головы, в полном молчании. Когда же зал стал расходиться, папаша снова сорвался: обозвал всех бездушными тварями; метался, требовал, умолял, чтобы, если им так сложно принести то, что он просит, так пусть хотя бы помогут отдирать клей от стульев. Он ещё долго распинался, пока, наконец, не было принято решение вызвать санитаров и отправить его в Бисетр. – Клод замолчал на несколько секунд. – Да, вот такая вот предыстория.

– Ну а что с этим священником? Он что-либо говорил?

– Наотрез отказался отвечать на все вопросы. Говорил лишь, что никого не убивал и всё твердил про какую-то страшную тайну.

– То есть как это, не убивал? Его что, взяли не на месте преступления?

– То-то и оно, что нет. Просто когда в жандармерию просочилась какая-то информация от свидетелей (какая точно – не знаю), они очень быстро вышли на этого священника и при обыске нашли у него под рясой воротничок убитой девочки... В общем, вполне наша клиентура.

Мы перебросились с Фуке ещё несколькими фразами – о последних событиях во Франции, в частности, о процессе Бастьена-Тири¹ и циничных словах де Голя о том, что государству нужны такие мученики, после чего я отправился в свою келью.

Честно – меня ничуть не поразила эта история. И дело не только в том, что в виду моей деятельности меня сложно удивить вообще чем-либо подобным: чего скрывать – вам наверняка известно и о случаях педофилии, и о гомосексуализме среди католических священников. Я бы не удивился, если бы мне даже сказали, что какой-то благочестивый падре не смог устоять перед «аппетитными формами» родной сестры... Да и само убийство в этом плане у меня также не вызвало никакого удивления. Всё логично: преступник изнасиловал девочку, после чего решил просто замести следы. А что касается настолько жестокого способа, то, пожалуй, для такой экстравагантной личности, как священник-педофил-убийца, расчленёнка также выглядела вполне закономерно.

Так что я не могу сказать, что был поражен – обыкновенные будни этой выгребной ямы порока.

Единственное, что меня заинтересовало во всём этом, так это слова этого священника о какой-то тайне. Нет, я, конечно, понимал, что это мог быть бред сумасшедшего маньяка или, несмотря на совершённое, попытка уйти на казнь красиво – в качестве агнца Божьего. Но даже принимая во внимание все эти вполне вероятные предположения, я словил себя на мысли, что в первый раз за множество лет сам хотел зайти к кому-либо в камеру. А потому с нетерпением ждал следующего дня.

II.

Стояло дождливое осеннее утро. Я едва проснулся, когда из своей специально оборудованной кельи услышал звук открывающихся ворот. Я подошёл к окну и увидел, что, как и обещал Фуке, прибыл автобус с новой партией заключённых.

Если вам когда-то доводилось жить либо в южном, либо в центральном Париже, вы наверняка не раз видели этот словно небрежно вытесанный кусок ржавчины на колёсах: качающийся из стороны в сторону как старая повозка, с облупившейся зелёной краской, из-за которой первая буква названия была безвозвратно утеряна, и вместо привычного «Здоровья» образовалось что-то философично неясное, словно предостерегающее каждого, кому попадётся на глаза эта надпись². Возможно, по той причине, что довольно мало людей знало латынь, возможно, по какой-то другой, но, тем не менее, трава у подъезда к тюрьме всегда оставалась утрамбованной, а камеры никогда не чувствовали недостатка в посетителях.

Я ещё немного постоял у окна, сонно хлопая глазами, затем быстро умылся, побрился, одел рясу и направился к центральному въезду.

Там, как и следовало ожидать, выстроилась толпа заключённых, которые располагались вдоль тюремной уличной сетки, отделявшей новоприбывших от обыденных постояльцев. Они шли, подталкиваемые дубинками надзирателей, а кроме того, друг другом, отчего на лице некоторых выражались то внутренняя агрессия, то боль. Первое испытывали те, кто до сих пор не могли смириться, что их, таких важных птиц, взяли за задницу и лишили свободы. Второе же испытывало подавляющее большинство, поскольку состояло из самых обыденных представителей человеческого рода.

Я стоял и прикидывал: кто же из этих отборных отходов представляет собой то, о ком мне рассказывал Клод. Возможно, этот лысоватый толстый коротышка в очках, который уже изрядно успел вспотеть за относительно недолгий период прохождения заключённых? А может, этот здоровый негр с золотыми зубами, у которого вряд ли будут особые проблемы здесь, среди остальных, ввиду своего массивного вида – если такого мамонта ты в итоге и завалишь, то перед этим однозначно не оберёшься хлопот со здоровьем, а потому вполне можно было предположить, что никто не захочет искать проблем на свою голову.

Однако сколько бы я ни перебирал варианты в голове, кто именно представляет священника-садиста, признаюсь честно – тогда я догадаться об этом так и не смог. В итоге Жан Сорбель, прибывший в Санте в октябре 1963 года, совсем не бросался в глаза как потенциальный убийца. Впервые увидел я его многим позже, когда пришлось делать свой тюремный обход с очередным внушением Иоаннова прощения.

III.

Сам обход происходил довольно обыденно – я ходил в компании двух надзирателей из камеры в камеру, зачитывал им строки из Библии, выслушивал, если нужно было, говорил что-нибудь подбадривающее сам, если нужно было, и наконец проваливал дальше. Естественно, тому мусору, который здесь оказывался, было по большому счёту плевать, что я говорю, настолько же, насколько и мне. Единственное, о чём я думал и за чем наблюдал, – это чтобы какой-то очередной уродец не вцепился мне в шею. Пускай рядом были полицейские, однако меня не грела возможность даже на какие-то секунды оказаться в лапах ублюдка, пока мои спасители его скрутят и дадут дубинкой по почке.

Словом, этот день был такой же, каким бывает обычно день приезда заключённых. Вообще у священника немного работы. Самые основные два момента – это, собственно, сам приезд новой партии этих товарищей, а также ночь перед казнью. Тогда, признаюсь, с некоторых однозначно спадали все маски, когда они ощущали безостановочное дыхание смерти у своего лица. Если бы была их воля, они бы мечтали, чтобы я проводил в их камере всю ночь, чтобы они могли прижаться ко мне, как к мамочке, которая всю ночь будет их утешать и что-то толковать о спасении и вечной жизни. Однако у священника не было возможности уделять время кому-то одному. Здесь ты, равно как и врачи-психиатры в психбольнице, принадлежишь всем сразу и в то же время никому – ты лишь проносишься, как бабочка, по камерам и отправляешься дальше.

Так вот в этот раз, когда преступников лишь привезли, они, как часто и бывает, ещё были полны бравады, агрессивности и всяких пошлых насмешек. Так, один спросил меня, давно ли я дрочил маленьким мальчикам, а другой говорил, что наверняка засаживал моей мамаше и называл меня «сыноком». В конце концов, когда из года в год и из месяца в месяц видишь одно и то же, это перестаёт тебя сколько-нибудь трогать, и ты смотришь на всё лишь с изрядной толикой скуки. Я, как и положено, прочитал им библейские стихи, спросил, желают ли они исповедаться – те не захотели. А потому из каждой камеры я забирал Библию, свои остальные принадлежности и уходил дальше. Да, из каждой. Так было, пока я не дошёл до камеры номер 14. Там я впервые и познакомился с ним.

IV.

– Благословит вас Господь, – заходя, сказал я по привычке как бы в стену.
– «Благословен будь Господь, скала моя, обучающий мои руки войне и мои пальцы – битве», – неожиданно услышал я ответ, отчего мою утреннюю сонливость как рукой сняло. Сначала я подумал, что мне послышалось. Я спросил: «Что?». Он повторил.

– Я вижу, вы разбираетесь в Писании. Стоит полагать, вы тот самый священник, – с некоторой ухмылкой осведомился я и лишь как бы сейчас заметил человека, который передо мной сидел. К моему удивлению, это не был ни какой-то потный толстяк, ни старик с трясущимися артритовыми руками. Это был... мальчик. По-другому я назвать его не мог. На вид года 21-го, ювенильного телосложения, со впалыми щеками и крайне утомлёнными глазами. Как понял я позже, подобный взгляд был совершенно не следствием усталости либо недосыпания, а некоторого духовного томления, если можно так сказать.

– Да, я священник, – без энтузиазма ответил он мне. Однако, к сожалению, само по себе это ничего не значит. Особенно здесь.

– Вправду? – продолжал ухмыляться я. – Почему же? Мы с вами тут коллеги, фактически родственные души. Почему бы не считать вас кем-то особенным?

– Простите, падре, но мне не до шуток. Я знаю, что меня ждёт. И я знаю, что я принял на себя. А потому делайте то, что хотели, и уходите.

– И вы совсем не хотите поговорить?

– Нет.

– Ну что ж, ладно. Перейдём к процедуре. Хотите ли вы в чём-то мне исповедаться?

И тут он на несколько мгновений задумался. Потом встал с койки, и движение оказалось каким-то резким – таким, что надзиратели дёрнулись в его сторону. Но он тут же остановился, после чего те поняли, что это была ложная тревога. Он постоял ещё несколько секунд и стал маленькими шажками расхаживать вдоль столь же маленькой камеры:

– Я не знаю, падре, заняли ли вы свой пост по призванию, по настоянию родственников либо по желанию поправить финансовое положение, – сказал он, после чего слотнул слюну. – Я не знаю, клялись ли вы не нарушать заповедей и если клялись, то верили ли сами в свои клятвы. Я не знаю этого так же, как не знаю, помните ли вы 1-е послание Иоанна и сможете ли зачитать его наизусть без Евангелия. Но я знаю, что такое круглосуточные молитвы, я знаю, что такое голодные обмороки во время поста, я знаю, каково это – с трудом стоять на ногах при чтении литургии, когда в это время твоё сердце переполняется чем-то таким, что способно заставить тебя припасть к ногам Спасителя и рыдать до последней оставшейся слезы. – Он снова запнулся. Однако протолкнув ком в горле, продолжил: – Это сильнее любой клятвы. Поверьте, я знаю. Я никогда не давал клятв, и сейчас не стану. Но я не убивал, падре. Я знаю, что дни мои сочтены и что через несколько дней я отправлюсь на гильотину. Вот и всё, пожалуй, из того, что я знаю, и что может иметь для вас интерес в этих стенах. Мне не в чем вам исповедоваться, кроме как, возможно, лишь в том, что здесь у меня останется крайне мало времени для молитвы и в том, что я знаю страшную тайну, которую никому не смогу открыть. Простите, больше мне не в чем каяться. Ни перед вами, ни перед Богом.

Теперь, в свою очередь, настала моя пора задуматься. Когда-то секунды моего размышления прошли, я сказал:

– Вы уверены?

– Да, я уверен. Уходите.

Я собрал свои вещи и вышел.

V.

Что же! Что я мог сказать после этого знакомства? Увидел ли я что-то особенное в этом человеке – не лишь в контексте чего-то преступного, но и в целом отрицательного либо положительного? Пожалуй, нет. Он мне представился самым обычным молодым человеком, имеющим некоторые психические отклонения ввиду своей рьяной веры. Но... не был ли я сам таким в его годы? Все эти посты, молитвы, литургии, слёзы покаяния... Всё это было знакомо мне не понаслышке. Весь мир тогда казался светлее, а чувства представлялись намного острее, осуждая и протестуя против любой несправедливости в этом мире. Да, всё это было. Но разве достаточно всего этого, чтобы назвать человека убийцей?

Я лёг на кровать и стал прокручивать все детали этой встречи – его глаза, его спокойный охрипший от холода голос, его хождение взад-вперёд по камере. Я лежал и думал, что это был один из самых обычных молодых священников, которых я видел. Но... Остальные священники обычно не имели особо бредовых мыслей, а этот, как и на процессе, продолжал твердить про какую-то тайну. Но ведь в криминальном деле всё было чётко определено. Однако что есть само правосудие в нашей стране? Так, раздраемый дилеммой по типу «Быть или не быть?», я и уснул, бормоча себе под нос что-то невнятное.

VI.

Когда следующим утром я проснулся, в голове у меня в первую очередь всплыл вчерашний разговор с привезённым священником. Я решил сразу отправиться в кабинет Клода, чтобы разузнать что-нибудь ещё по этому поводу.

Когда я зашёл, сложилось впечатление, что он меня уже ждал или, во всяком случае, предполагал, что я заинтересуюсь этим делом более подробно, нежели в первый раз.

– Ну что, узы Господа нашего Иисуса Христа взяли верх? – ухмыльнулся он. Мне не понравилось, что в данном случае он победил, опередив меня на ход вперёд, но я решил проглотить эту деталь, поскольку мой интерес был значительно выше этого междусобойчика.

– Да-да, – сказал я, хорошо. Ты был прав. Расскажи о нём что-нибудь, о чём не сказал вчера.

– Нууу... – протянул Клод. – Если ты просишь...

– Клод, я прошу тебя, прекрати.

– Ладно-ладно, не злись. А что говорить? Парень совсем молодой. Ему двадцать один год, родом из западной Франции, родился в семье крестьян. Когда ему было тринадцать, отец умер, а мать переехала с ним в Париж, где открыла свою лавку по домашней выпечке. В шестнадцать лет поступил в семинарию, которую окончил с отличием. Сразу после окончания был направлен служить в церковь. Собственно, до сегодняшнего дня он успел прослужить там всего полтора года... Вкратце как-то так...

– Стоп. И всё? Никаких особенностей, детских травм, проявлений неадекватности?

– Да нет... Но ты же знаешь этих молодых. Сегодня они тебе улыбаются, а завтра на революциях режут глотки своим братьям. – Он снова ухмыльнулся.

– Нет, ты не понимаешь... Он священник. Более того... Я разговаривал с ним вчера... Он не похож на того, кто идёт туда за деньгами, статусом или чем-то таким. Он этот... идейный, словом.

Клод снова ухмыльнулся:

– Я так и знал! Что, почуял-таки родную душу? Сам-то таким же был – молодым, горячим. Это сейчас обрзуг, глазки потухли, а работа твоя вызывает у тебя только скуку и раздражение. Я ведь помню, когда ты впервые попал к нам, как ты горел тем, чтобы действительно спасти эти больные души.

– Не в этом дело. Точнее... в этом тоже... Но... Я общался со многими священниками. Понимаешь, я их насквозь вижу. Можно долго говорить о морали и всём таком. Но есть такие люди, для которых выше морали стоит Закон Божий, и они никогда через него не преступят. Так вот этот... А как, кстати, его зовут?..

Клод наклонился к столу, начал рыться в каких-то бумагах, потом извлёк оттуда печатный листок:

– Жан... Жан Сорбель. Ты смотри – почти как Жанна Д'арк. – Он снова рассмеялся.

– Ну ладно. Так вот, этот парень... Он верит букве Закона напрямую. Он ещё не научился подобно ватиканским чиновникам трактовать его и так и этак. Для него если написано «Не убий» – это означает «Не убий». Я видел это в его глазах. И дело даже не столько в его морали, повторюсь, сколько в его юношеском максимализме, который дословно следует Слову Бога.

– Да ладно. Что, никому крышу снести не может? У него же нашли вещь девочки! Он хранил её у себя под рысой. Ты понимаешь, что это значит? Он ходил с ней, молился с ней, принимал исповеди с ней. Он постоянно ходил с ней, как маньяк с трофеем.

– Кстати, а что за вещь-то?

– Отрезанный воротничок с платица.

– Хм... Вот как...

– Ну так вот подумай сам. Девочка была изнасилована, а он взял себе кусочек воротника платья. Тебе не кажется, что это очень сексуальный мотив?

– Я не знаю... Просто я думаю, что это всё не то, чем кажется.

– Небось ты решил податься у нас в детективы? Или ты уже перестал верить квалификации Пьера?

– Нет, но...

– Послушай, друг. Это Франция. И здесь каждый выполняет свою функцию. Если ты священник – занимайся своим делом. Правосудие свершилось. Пьер выполнил своё дело. Процесс был сложный. Много деталей было изучено, они шерстили всё что могли – окружающую местность, расспрашивали людей. Неужели ты думаешь, что никому ничего не показалось сомнительным, а вот ты один, которому показалось, прав? Я не хочу тебя обижать, но здесь налицо, скажем так, профессиональная солидарность.

Ну вот, он снова уколол меня, негласно проведя линию между «нами» и «ними», где мы – это всегда коллективное зло, а они – индивидуальное добро.

– Ладно, я не хочу с тобой спорить. Пускай так. Но я хотел бы с ним ещё раз поговорить.

– Ты знаешь, что ты сможешь сделать это за день до казни, ранее не полагается.

– Неужели ты не можешь сделать для меня такую мелочь в память о том, что мы столько лет друг друга знаем?

– Именно в память об этом я этого не сделаю. Я не хочу, чтобы ты навредил хоть чему-то, а кроме того, самому себе. Поэтому мой ответ – нет, и это окончательно.

VII.

Я вышел из кабинета Клода злым. Не помню, когда в последний раз я был настолько зол, но в тот момент меня буквально трясло от негодования. Впервые за последнее время я решил пойти выпить.

Я спустился, предъявил охраннику пропуск и отправился в близлежащий бар. Я заказал себе стакан виски со льдом и снова задумался: «Допустим, ему снесло крышу... Ладно... Ладно... Но почему он носил этот чёртов воротник с собой? Почему не спрятал где-то дома? Почему не решил оставить место службы? Ведь было же очевидно, что опасно находиться на публичной должности в том месте, где произошло убийство...». Мысли неслись одна за другой, но чем больше шло времени, тем более они становились путанными. В итоге я решил, что есть вещи, которые сильнее нас, а потому дал бармену деньги и, ёжась от холода, вышел на улицу. Когда я подошёл к Санте, на часах уже было одиннадцать вечера. Я снова предъявил пропуск, вошёл, поднялся к себе и завалился мёртвым сном.

VIII.

Я до сих пор помню свой первый день казни и первого казнённого. Это был сорокалетний мужик, зарезавший свою жену и её любовника, когда застал их вместе. Когда его голова полетела по полу, я думал, что потеряю сознание, но устоял.

С тех пор утекло много воды. А потому каждое утро дня казни ничем для меня не отличалось от всех других. Я не испытывал ни какого-то подспудного червячка в животе, как было ранее, я не чувствовал паники, не чувствовал даже особого сочувствия.

Но в этот день что-то изменилось. И хотя у меня не было чувства страха или тревоги, но у меня была надежда. Не знаю, почему, но я до последнего надеялся, что произойдёт либо нечто, как было с Достоевским, когда перед казнью прискакал гонец и произнёс текст царя о помиловании; либо что, пока я здесь сижу, суд активно пересматривал дело и всё закончится хотя бы пожизненным сроком. О, Господи, где же ты ещё более ярко проявляешься, если не в нашей человеческой надежде – слепой, глупой и, тем не менее, такой светлой?!

Однако этот день ещё особенно трепетным для меня был потому, что я имел, наконец, возможность снова поговорить с Жеаном. Да, теперь я называл его не «тот священник», а по имени. Это придавало какой-то близости к этому человеку, которую я стал испытывать за это время.

Я зашёл к нему в камеру:

– Как вы?

– Как обычно. В Евангелии ведь говорится – кто не вкусит Царствия Божьего на земле, не вкусит его и на Небе. Поскольку я уже давно своими мыслями живу с Богом, то этот день ничего не решает – я просто перейду к Нему навечно. Рано или поздно это должно было произойти, вам ли не знать.

– Да, но... Вы ведь могли пожить, спасти ещё столько душ. Неужели вам совсем не жаль, что этого не случится?

– Я считаю, что Промысел Божий перекрывает любую случайность. И если Богу угодно, чтобы сегодня меня на Земле не стало, то наверняка он сможет подобрать мне достойную замену на моей должности.

Этот парень был непрошибаемым. Я удивлялся, как в его возрасте ему удавалось сохранить такое спокойствие перед лицом смерти. Мне многое доводилось видеть – кто-то плакал, кто-то умолял, кто-то даже обдывался. Но такая ситуация, когда человек до конца оставался спокойным, признаюсь, была очень редка. Возможно, это потому, что лишь человек с чистой душой может понимать, что в смерти нет ничего страшного, а настоящие ублюдки боятся до самых ногтей, потому что знают, что их ждёт после смерти.

– И всё же, я хочу снова задать вопрос: не хотите ли вы в чём-то исповедоваться мне?

– Нет, не хочу. Вы можете уйти. Мне нужно побыть одному, помолиться.

– Хорошо, но... – уже на полпути я обернулся: – Знаете. Я верю вам. Верю, что вы невиновны. Но я хочу знать: что за тайна, которую вы скрыли от других? Расскажите мне, я очень хочу вам помочь. Мне кажется, что в этой тайне лежит ключ к вашей свободе. Поведайте мне – я ваш друг, поверьте.

Он посмотрел на меня и впервые за всё время улыбнулся:

– Падре, неужели вы думаете, что дело в том, кому я расскажу тайну? Для меня все люди равны. Я никого не боюсь, никого не осуждаю. И если я не рассказал эту тайну другим, то не потому, что они в чём-то хуже вас, но лишь потому, что эта тайна – тайна моей чести. Возможно, когда-то вы узнаете, в чём было дело. Но вы не узнаете этого от меня. Пожалуйста, оставьте меня.

– Очень жаль... Но, впрочем, как скажете. Благослови вас Господь.

IX.

Его вывели на плаху в ровно в 13:00. Он шёл, спокойно озираясь по сторонам, а со спины его за чем-то подталкивал конвойный. В этом совсем не было необходимости, поскольку было видно, что парень не медлит, а спокойным шагом идёт к ожидаемому.

Когда его подвели к пилотине, пристав зачитал приговор и спросил, есть ли у виновного последнее слово.

– «И к злодеям причтён был»³, – сказал он спокойно, но довольно громко, чтобы можно было слышать всем присутствующим.

Пристав спросил:

– Это всё?

– Да, это всё.

– Тогда именем Президента Франции вы приговариваетесь к трём смертным казням. Требуется привести приговор к исполнению немедленно.

Лезвие пилотины, до этого висевшее вверху дамокловым мечом наконец глухо рухнуло, и птицы взметнулись вверх.

X.

После описанных событий прошло две недели. Рано утром во вторник Клод срочно вызвал меня к себе в кабинет. Я, не понимая, в чём дело, по-быстрому оделся и, не успев побриться, отправился к нему. Зайдя в кабинет, я увидел, что на нём нет лица и он бледный распахивает из стороны в сторону.

– Прости меня, Антуан... Я... я не знал.

– Да в чём дело? – изумился я?

– На, возьми, – и он протянул мне бумагу. Это была информация из местного отдела полиции. В ней среди прочего утверждалось, что Жеан Сорбель – невиновен.

– Что? – глухим голосом спросил я, оседая на стул.

– Прочти...

XI.

В сводке значилось, что вчера, в понедельник, в отделение полиции пришёл неадекватный молодой человек в рясе. Он сказал, что его зовут Кристиан Монье. Он сказал, что не хотел приходить, но «они» заставили его. Когда его спросили, кто «они», Кристиан ответил, что люди, живущие в его голове. Они заставили его прийти и рассказать всю правду, иначе обещали выбросить его из окна.

В итоге этот парень рассказал, что это он – убийца девочки, за которую казнили Жеана Сорбеля.

Он всё подробно рассказал.

Как оказалось, Кристиан Монье был психически больным молодым человеком, который пытался поступить в семинарию, однако получил отказ из-за своего фанатизма. Комиссия испугалась, что он является социально опасным, но в соответствующие органы не заявила – решила просто избавиться от него, отказав в поступлении.

Однако молодой человек купил себе рясу, воображая себя священником, и каждый вечер выходил на улицу, благословляя людей.

В тот вечер, когда была изнасилована девочка, Кристиан услышал от «людей в голове», что ему срочно нужно спасти юное создание от греха, что если она успеет вырасти, она очень много нагрешит и не сможет попасть на небо к Отцу.

Он увидел эту девочку, изнасиловал её, считая, что проводит очистительный ритуал, а после убил, таким образом отправив душу прямо на Небеса. Чтобы усилить спасение девочки, он отрезал у неё кусочек воротника, пришёл в церковь, где служил Жеан и обо всём рассказал. Кроме того, он дал ему воротничок, закладывая того молиться «о юном невинно убиенном дитяти».

С тех пор Жеан всегда носил этот воротничок у себя, непрестанно молясь о погибшей.

В это же время нашёлся свидетель, который сообщил, что видел в вечер убийства девочки священника, ходящего по улицам и благословляющего людей.

С этим Жеана и настигла полиция.

XII.

Я не стал говорить Клоду ни слова, а просто вышел с бумагой, как был. Я попросил у охранника сигарету и закурил.

«Вот оно как бывает – дело двух недель. Какие-то две недели. Выходит, цена человеческой жизни – две недели. Что ж, время порой более платёжеспособно, нежели сами деньги».

XIII.

Суд, рассматривавший дело Кристиана, признал его невменяемым, несмотря на активное сопротивление всех присутствующих. В итоге было принято решение отправить его в Бисетр.

У Папы Римского поднимали вопрос о том, чтобы причислить Жеана Сорбеля к лику святых, однако этот вопрос, утонув в бюрократии, так и остался нерешённым, а сам Папа сказал, что смерть какого-то случайного священника ещё не повод делать его святым.

В итоге единственное, что осталось в память о Жеане, – это табличка с его именем на воротах храма, где он служил, а также – в списке казней за 1963 год.

XIV.

Судьба же Кристиана оказалась довольно трагичной. Буквально спустя неделю после того, как его привезли в Бисетр, его тело нашли в подсобке с отрезанной и заново приклеенной головой. Создавалось впечатление, что работа была выполнена воистину антикварная. Во всяком случае, так говорили те, кто это видел. Убийца так и не был найден, потому что, на удивление, оказалось, что никто ничего слышал и ни о чём не знает в ту ночь, когда это произошло.

Это стало очередной тайной, которую старушка-Франция унесла с собой в могилу.

А *Санте* до сих пор продолжает встречать своих «посетителей», от которых и донныне нет отбоя. А загадочное «ante», изображённое на ржавом автобусе, так и продолжает вводить в глубокую задумчивость диванных любителей латыни.

---

¹ Жан-Мари Бастьен-Тири (1927-1963) – французский военный инженер, приговорённый к смертной казни за попытку покушения на Шарля де Голля и расстрелянный 11 марта 1963 г.

² ante (*лат.*) – прежде чем.

³ Ис. 53:12.